

**ВОКРУГ КРИВОГО РОГА:
А. Л. ЖИВОТОВСКИЙ И ДРУГИЕ В 1920-х гг.**

К середине 1920-х гг. закачались финансовые империи, созданные в период инфляции, вызванной мировой войной. Национализированные было большевиками русские инфляционные группы¹ сумели перевести свои активы за границу и еще долго продолжали спекуляции, слияния и разделения. А. Л. Животовский — один из дельцов инфляционного периода в России (1914–1924), связанного с мировой войной и революцией. Советские политики оказались перед соблазном государственного социализма, поскольку на фоне известного упрощения структуры деловой жизни стала очевидна иерархия, которую возглавляли несколько лиц, овладевших крупными банками и контролировавших через них частную промышленность: А. И. Путилов, К. И. Ярошинский, Г. Д. Лесин, Н. Х. Денисов, И. Н. Стахеев, П. П. Батолин, И. П. Манус и др. Эти плутократы и спекулянты последнего периода существования Российской империи были гомерических размеров концентраторами банков и промышленности подобно Гуго Стиннесу, германскому стальному магнату. И. Ф. Гиндин заметил, что в России в период инфляции анонимный банковский капитал «пасует перед индивидуальным предпринимательским финансовым капиталом основательнее, чем в Германии», где даже Стиннесу не удалось захватить ни одного из крупнейших банков. Гиндин обратил внимание на тенденцию «выдвижения в России финансовых предпринимателей в ущерб влиянию банков», видя в ней начало концернов, ставших значительной силой в Европе в 1920-х гг.² Это явилось следствием того, что в России, где преобладала континентальная модель коммерческого банка, в годы мировой войны стала возможна наибольшая концентрация финансового капитала.

Во время Первой мировой войны А. Л. Животовский вел дела с Русским торгово-промышленным банком (РТПБ), а также за его счет.³ Его даже арестовывали за сотрудничество с врагом.⁴ Он (как и Лесин) был среди информаторов комиссии генерала Н. С. Батюшина, расследовавшей прогерманскую деятельность банкиров.⁵ Е. П. Семенов,⁶ располагавший документами и следивший за деятельностью концентраторов этого периода, указывает, что Ярошинский был побуждаем группой Лесина, Кона, Животовского в своем стремлении покупать все после Февральской революции. Лесин ликвидировал все дела в России и уехал в Стокгольм летом 1917 г.,⁷ туда же, по некоторым сведениям, направились и братья Животовские после прихода большевиков к власти. Если о деятельности Лесина после революции сведения отрывочны, то о Животовском мы знаем больше благодаря сохранившимся документам по делу концессии Кривого Рога (КР). Не задаваясь целью сравнения, взглянем на этот и другие характерные эпизоды, связанные с Животовским, а также с русскими деловыми структурами за границей, олицетворявшими конец прежней банковской системы. Одновременно часть из них стояла у начала экономического взаимодействия нового российского государства с Западом.

В апреле 1918 г. люди, считавшиеся хорошо информированными, заявляли, что большинство акций Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) (черноморских)

было продано немцам синдикатом, во главе которого стоял один из крупных акционеров компании — А. Л. Животовский. Факт тем более важный, что это была полуправительственная организация, основанная при поддержке власти и субсидируемая государством для поощрения национального торгового флота. По уставу, акционеры должны были быть русскими, а директор — адмиралом. Продажа контрольного пакета этой компании передала бы немцам почти весь русский коммерческий флот Черного моря и могла быть расценена как акт государственной измены. Французскому посланнику в Стокгольме новость была подтверждена в Париже в русских промышленных кругах, где она не вызывала сомнения. С сентября 1918 г. французский посланник в Стокгольме вел расследование деталей этой операции, которой он придавал особое значение.⁸ Он выяснил, что контрольный пакет компании действительно находился в руках синдиката, созданного Животовским. В первые месяцы 1918 г. бумаги были предложены датской группе. Когда переговоры стали известны публике, заинтересованные лица, напуганные шумом вокруг этого дела (по слухам, за датчанами стояла германская группа), прервали переговоры и сделали те же предложения американцам. Последнее было отмечено в докладе миссии США в Стокгольме. Пока шли переговоры, немцы заняли порты Черного моря и захватили корабли, что решило вопрос. Таким образом, акции РОПИТ никому не были проданы. Пытались ли люди, предлагавшие эту сделку, как они уверяли, передать суда под гарантию нейтрального флага, чтобы помешать немцам их захватить, или только хотели прибыльной спекуляции? Это вопрос оценки.

Другое дело, вызвавшее большой шум в Париже весной 1918 г., в котором был также замешан Животовский, — продажа германской группе части акций Русско-Азиатского банка.⁹ Речь шла о судьбе пакета акций, выпущенных во время мировой войны (50 тыс.), которые находились в руках русской группы во главе со Стахеевым. Эта группа также приобрела 23 тыс. старых акций банка, принадлежавших Животовскому. Говорили, что 73 тыс. акций были проданы немцам Батолиным, компаньоном Стахеева. Однако некоторые русские финансисты и деловые люди, к которым обращался французский дипломат в ходе своего расследования, утверждали, что, по их сведениям, никаких переговоров на эту тему не было.¹⁰

Парижское отделение РТПБ помещалось на rue Scribe, 11-bis. К. И. Ярошинский, владелец контрольного пакета акций банка, состоял членом совета. Отделение в Париже возглавлял В. Кон, банк имел также отделение в Лондоне, располагавшееся в собственном доме «довольно значительной ценности».¹¹ После национализации правлений коммерческих банков большевиками в декабре 1917 г. отделения в Париже и в Лондоне отказались признавать правление РТПБ, перебравшееся в Париж. В Лондоне правление выиграло суд в Палате лордов (третьей инстанции английского суда), однако за время процесса дом, в котором находилось лондонское отделение РТПБ, оказался проданным, а портфель отделения — пустым. В. Кон продал одному из парижских банков контракт на помещение парижского отделения РТПБ, а вырученные деньги вместе с другими активами отделения обратил на финансирование А. Л. Животовского под акции Общества Криворожских железных руд. Банк рассчитывал вернуть ссуду, после того как Животовский, используя свои родственные связи, получит в СССР концессию на Кривой Рог. В ожидании этого правление РТПБ усиленно реализовывало активы банка. По злому замечанию публициста, члены правления продали «даже стены банка».¹² Действительно, перераспределение собственности в эмиграции происходило

путем присвоения активов, принадлежавших акционерам и кредиторам. Наличие банковских касс поглощали фиктивные учредительство и купля-продажа акций. Остальное уходило после перерегистрации банков во вновь образованные французские общества.

* * *

Бассейн Кривого Рога — один из наиболее богатых минералами в Европе.¹³ Для эксплуатации его железорудных копей в 1881 г. была создана акционерная компания при широком участии парижского банка «Société Générale». Наряду с Обществом Дубовой балки Общество Кривого Рога было крупнейшим производителем железной руды на Юге России, поставляя на рынок также чугунное литье.¹⁴ Предприятие принесло в 1898 г. дивиденд в 10%,¹⁵ огромные прибыли и спекулятивный ажиотаж стали ключевыми факторами для иностранных инвесторов на пике индустриальной горячки перед кризисом начала XX в. В 1911–1913 гг. копи Кривого Рога снабжали почти исключительно Германию (в том числе через границу Силезии и через порт Николаева). Во время Первой мировой войны Германия пыталась через посредничество берлинского банка «Disconto-Gesellschaft» обеспечить контроль над акционерным обществом КР. Для металлургического рынка Германии, импортировавшей в год 6.5 млн тонн железной руды, Кривой Рог был очень важен, тем более что в Швеции были введены ограничения на экспорт сходных минералов, а производительность копей Бильбао в Испании значительно снизилась.

По оценкам крупных французских инженеров, Общество Кривого Рога владело около 41 млн тонн железной руды (с более чем 62%-ным содержанием железа) и 33 млн тонн коксующегося угля. Кроме сырья компания КР имела в портфеле бумаги предприятий, обеспечивавшие ей контроль над всем комплексом средств металлургического производства: прокат труб; железные скрепления; проволоочно-гвоздильная фабрика; завод мостовых металлоконструкций, изготовление вагонеток и шахтового оборудования.

До 1919 г. капитал КР составлял 13.5 млн франков (27 тыс. акций по 500 франков). Акции котировались на бирже в Париже, пережив падение в результате кризиса начала века и снизившись во время войны. После 1917 г. рынок этих бумаг не рухнул, так как ожидался новый подъем в связи с попытками возобновить деятельность компании. В июле 1920 г. были выпущены 33 000 новых акций, и капитал компании вырос до 30 млн франков (60 000 акций по 500 франков).

25 000 этих акций принадлежали французским держателям и были распределены среди публики, из 35 000 остальных акций 8000 принадлежали французскому синдикату, а 27 000 — русской группе. Большинство акций русской группы находилось в руках клиента РТПБ А. Л. Животовского, который под их залог получил ссуды в этом банке на 13 млн франков. Отделение РТПБ было вынуждено выдать эти ссуды при следующих обстоятельствах: Животовский имел соглашение с КР на увеличение капитала общества до 6.5 млн франков на 13 000 акций. В момент этого соглашения он сделал первый и значительный взнос наличными, но, не имея возможности «в силу продолжения беспорядка в России реализовать из своих личных активов достаточные суммы для исполнения своих обязательств и не желая терять от них прибыль», он просил РТПБ о ссуде, дав в залог эти акции. Затем он передал банку в подкрепление залога часть из 20 тыс. акций, выпущенных при последующем увеличении капитала КР, представляющую

эквивалент двух пакетов акций, принадлежащих ему и дающих соответственно контроль над двумя заводами, соседними с предприятием Кривого Рога. Животовский заявил, что намерен оставить французским директорам большинство в правлении и что если он будет вынужден продать свои акции, то осуществит эту операцию лишь при посредничестве Парижской биржи.¹⁶

Котировка акций Общества Кривого Рога на Парижской бирже

Год	Французские франки
1898	2000
1899	3100
1900 (кризис)	2050
1912	1530
1913	1525
1914	1300
1915	1025
1916	1125
1917	1300
1918	1015
1919	1035
1920	1660

Источник: *Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie 1887–1914. Paris, 1973. P. 112–113; McKay J. P. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization 1885–1913. Chicago, 1970. P. 222; AEF. B 32028.*

Чтобы освободить свои денежные средства, РТПБ пытался продать пакет акций. С тех пор как банк получил предложения Гуго Стиннеса, он дал о них знать французским ведомствам финансов и иностранных дел, которые немедленно заявили, что не могут дать хода этим предложениям, так как их принятие дало бы в руки врагов Франции один из самых крупных железных рудников в мире.

С июня 1921 г. Грюнера, председателя правления КР, вызывали в Фондовую канцелярию Министерства финансов, где Шаль (Chasles), шеф Русского отдела (la Section des Affaires Russes), просил его использовать все средства, чтобы под германский контроль не перешла значительная часть акций Общества. Шаль напомнил Грюнеру, что в противном случае моральная ответственность будет на нем ввиду заверений, которые он дал при эмиссии новых акций о сохранении французского большинства в Обществе (такие же заверения давал и Животовский). В июле Кон, директор РТПБ, дал знать в Фондовую канцелярию Министерства финансов Франции (MGF), что в случае, если французское правительство захотело бы покровительствовать операции, акции могли бы быть переданы надежным покупателям, а именно Русскому для внешней торговли банку и Французскому торгово-промышленному банку (Banque Française pour le Commerce et l'Industrie). Все же в конце 1921 г. РТПБ предложил 12 тыс. акций Кривого Рога из 60 тыс. немецкой инвестиционной группе.¹⁷

В ноябре 1921 г. германская группа намеревалась приобрести бумаги, если правительство Франции заявит о своем отказе от применения параграфа 18 приложения 11

части VIII Версальского договора, где речь шла о возможности применения санкций против Германии. Французское правительство могло вовсе провалить комбинацию. Министр финансов де Ластейри полагал, что Франция намеревается облегчить продажу акций Кривого Рога германской группе и таким образом французское правительство лишило бы себя возможности оказывать давление на Германию. Де Ластейри отметил, что было бы весьма достойно сожаления, если, не найдя покупателя, одобренного правительством Франции, РТПБ «оказался бы не в состоянии реализовать свой залог и попал бы в трудное положение, но это соображение, несмотря на его важность, может считаться второстепенным по сравнению с применением Версальского договора или выполнением условий, поставленных французским правительством при увеличении капитала общества КР. Я бы добавил, — заключил де Ластейри, — что Русский торгово-промышленный банк ни в коей мере не может рассматриваться как французский банк».¹⁸

О том, что Общество КР переходило под контроль германской группы во главе с банком «Disconto-Gesellschaft», свидетельствует переписка министра опустошенных войной территорий, ведомства иностранных дел и посольства Франции в Берлине в ноябре 1921 г., а также МИД и Министерства финансов Франции и РТПБ в марте 1924 г. Высокие чиновники этих ведомств неоднократно встречались с директором РТПБ. Вопрос контроля над Обществом Кривого Рога постоянно переводился в политическую плоскость поддержания зависимости германской металлургической промышленности от Франции в сырьевом отношении. Страх перед германской промышленной мощью пронизывает французские правительственные рассуждения начала 1920-х гг.: побежденная «Германия не отказывается от экономической гегемонии на Востоке.., она обращается к России, Малой Азии, Туркестану, Персии, Центральной Азии, Сибири, Китаю».¹⁹ Опасность для французской политики виделась в планах связать системой железных и водных путей сообщения сырьевые районы через Каспий, Волгу и Черное море с Дунаем и другими реками срединной Европы.²⁰ Вместе с тем соглашение французского сенатора Люберзака из «Société financière et de gérance»²¹ с Гуго Стиннесом. 1922 г. (хотя оно и не имело последствий ввиду политического кризиса в связи с оккупацией Рурской области) было одним из свидетельств интеграционных попыток промышленников Германии и Франции на фоне еще не закончившейся политики «экономической войны» и блокады.²² Люберзак был администратором группы, в которую входило «Société Française pour le Commerce avec la Russie et les Pays de l'Europe du Nord».

5 февраля 1923 г. О. Биде (инженер, член правления Общества железомангнитных руд в Мокта-эль-Хадиде) и В. Кон (директор парижского филиала РТПБ), представлявшие соответственно интересы французских и русских акционеров КР, встретились с полпредом РСФСР в Лондоне Л. Б. Красиным и заявили о готовности заключить окончательное соглашение по концессии в Москве. До конца июня 1923 г. произошел обмен письмами с агентом Красина в Париже, представлявшим Главконцесском, Скобелевым, действовавшим под фирмой Аркоса. Таким образом, была выработана база для договора. Красин настаивал на том, что правительство СССР не может платить компенсации за возможные повреждения оборудования компании, но что такие компенсации могут быть заменены разрешением эксплуатации месторождений минералов с небольшими обязательствами, понижением налогов и т. п. Оставалось лишь послать на место (Кривой Рог, Орловка, Екатеринослав, Дебальцево и Николаев) экспертов для оценки состояния

рудников и заводов Общества Кривого Рога. Выбор был остановлен на французском гражданине Жане Дюране, который знал русский язык и много лет прожил в России, где служил в Обществе Продуголь. Он ехал вместе с Животовским, «имевшим крупные металлургические интересы в России».²³

18 ноября 1923 г. в берлинской сменовеховской газете «Накануне» появилась статья «Первая французская концессия в России», в которой сообщалось, что «Общество криворожских рудников получает концессию на эксплуатацию рудных и угольных богатств Криворожского района и нескольких металлургических заводов... Значение концессии не только в предстоящем с весны будущего года возобновлении деятельности богатейших Криворожских рудников, угольных шахт и заводов, но и в том, что эта концессия, не уступающая по своим размерам Урквартовской, которая, как известно, не ратифицирована Советским правительством, является первой крупной производственной концессией французского капитала... А. Л. Животовский, везет в Париж ратифицированный Совнаркомом договор о концессии в Кривом Роге».²⁴

В Париже следили за судьбой дела в советских инстанциях. В августе 1923 г., после того как Животовский «уже как полтора месяца назад покинул Париж», деловая пресса называла его «серым кардиналом (*l'émipence grise*) этого дела».²⁵ 4 сентября сообщалось, что Животовский добился позитивного решения «в первых трех советских комиссиях». Дело находилось «на последней стадии, в комиссии под председательством Пятакова».²⁶ В конце месяца, по сведениям газеты «Cote de la Bourse et de la Banque», соглашение с Советами в принципе было достигнуто, и окончательный контракт находился в стадии подписания.²⁷ Но Животовский еще в ноябре оставался в Москве, откуда вернулся только в начале декабря и без договора. Все же в конце декабря, по сообщению одного «финансиста, прибывшего из Москвы» в Ригу, Животовский вновь был в советской столице, и, якобы, ему удалось достичь согласия на 40-летний срок концессии, передачу СССР половины процента произведенной продукции и на неограниченную свободу экспорта.²⁸

В январе 1924 г. Кон вел переписку с французским МИД о переговорах РТПБ и Животовского с советским правительством об обществе КР. В начале марта на аудиенции у де Перетти де ла Рокка, директора политического отдела Министерства иностранных дел, Кону и Животовскому было заявлено, что Министерство финансов просило МИД обратиться к концессионерам КР, чтобы преобладание французских членов в Обществе было сохранено после получения концессии. Оба министерства просили Кона сделать все необходимое, чтобы сохранить французское преобладание.²⁹ Со своей стороны Кон и Животовский заявляли, что удовлетворить Министерство финансов и МИД (сохранить контрольный пакет КР во Франции) возможно, лишь продлевая ссуды для РТПБ. Речь шла о репорте 2 млн франков на 6–9 месяцев. С этой целью Кон связался с банком «Bauer, Marchal et Cie»,³⁰ который согласился изучить комбинацию, чтобы прийти на помощь РТПБ при условии, что Министерство финансов или МИД попросит его об этом.

18 января 1924 г. Р. Пуанкаре представил министру финансов проекты контракта по концессии копей Кривого Рога и просил предоставить квалифицированных защитников французских интересов «ввиду теперешних переговоров с Советами». Было известно, что советская сторона не подпишет контракт, если концессионеры не внесут по меньшей мере 10 млн франков на расходы. Банк «Bauer, Marchal et Cie» был готов

сформировать вспомогательное общество, которое соберет капитал и письменно обязуется предложить правлению КР «опцион первого ранга» для создания этой (вспомогательной) компании. Грюнер заявил также, что в день подписания контракта с советским правительством компания может обратиться в Министерство финансов Франции с прошением об экспорте капитала.³¹ На что министр финансов заметил: «Разумеется, такое прошение не могло быть удовлетворено, даже если бы оно исходило от французского правления». Правительство Франции неизменно требовало возврата дореволюционных долгов, и рассуждения министра финансов облекались в формулу: «...если политическое и экономическое положение России позволит учесть известное вознаграждение капиталов, вложенных в промышленные дела». Не отрицалась и возможность принятия предложения, поскольку в случае отклонения Францией предполагаемой комбинации, «есть много шансов, что Советы реализуют ее с германской группой».³² Угроза сделок с немцами русских банков в Париже и советских учреждений была постоянным козырем, который использовался в игре русских банкиров с французскими ведомствами.

Вообще, дело встречало массу препятствий внешне- и внутривнутриполитического свойства, несмотря на то (а, возможно, и отчасти из-за того), что А. Л. Животовский был родственником наркомвоенмора Л. Д. Троцкого, а также зампреда СНК и председателя Моссовета Л. Б. Каменева.³³ В СССР весной 1924 г. опцион по концессии на Кривой Рог, данный Кону и Биде, не был возобновлен и прошли аресты лиц, которые были в контакте с Животовским во время его последней поездки в Москву.³⁴ Р. Пуанкаре, премьер-министр и министр иностранных дел, в письме министру финансов 18 мая 1924 г. подчеркнул, что французское правительство придавало большое значение делу о Криворожской концессии «как из видов на будущее экономических отношений с Россией, так и из противодействия немецким попыткам взяться за эксплуатацию Кривого Рога». Глава кабинета обратил внимание, что переговоры с французской стороны вели не администраторы компании, но представители группы акционеров, собранной, кажется, по этому случаю. Среди этих представителей — польский подданный (*ressortissant*) Ладислас Кон и русский беженец Животовский, названный в контракте о концессии «товарищ Абрам Животовский» (*le camarade Abraham Givatovsky*). Главу кабинета не устраивала и формулировка о возможности перехода прав собственности компании в пользу СССР до истечения 50-летнего срока.³⁵

9 апреля 1924 г., перед отъездом в Москву на переговоры с правительством СССР об обществе КР, Животовский в сопровождении Кона явился в МИД с запиской обоим французским ведомствам. Кон и Животовский просили «от имени правительства указать г-ну Бауэру (банк «*Bauer, Marchal et Cie*») на необходимость операции в национальных интересах» (при предоставлении в пользу РТПБ репорта на 2 млн фр. на 6–9 месяцев).³⁶ В МИД просителям было в устной форме заявлено, что дело находится в компетенции Министерства финансов. Р. Пуанкаре полагал, что правительству не следовало уступить просьбе. «Кон и Животовский не могут не знать, что наши оба департамента (МИД и МФ. — С. Л.) внимательно следят за развитием дела КР. Они отлично знают, что правительство испытало бы живое разочарование в случае ослабления французского влияния, преобладавшего до сих пор. Но из этого не следует, что правительство может отойти от сдержанности по отношению к частным делам и что оно должно принять инициативу, составляющую вмешательство в деятельность общества. Именно заинтересованным

лицам следует распорядиться в соответствии с национальными интересами, если они хотят учесть озабоченность французского правительства».³⁷ Пуанкаре был удивлен. Мы же заметим, что Кон и Животовский вели себя с французским правительством по привычной схеме отношений предпринимателя и власти в России, прикрывая казенным интересом свои частные дела.

Продажа группе Стиннеса акций Животовского означала бы передачу контроля над делом в германские руки. Де Нерво, вице-президент Общества КР, нанес визит в Министерство финансов, чтобы узнать мнение французского правительства о соглашении его группы с германской группой. 11 мая 1925 г. де Нерво сообщил в МИД о переговорах Животовского с группой Стиннеса о продаже этой группе акций Кривого Рога, принадлежавших Животовскому и депонированных в качестве залога в РТПБ.

В то же время Стиннесу «понравилось предложение» французов создать франко-германскую ассоциацию с равенством интересов ввиду практической эксплуатации предприятий КР. Для Франции это была попытка сотрудничества с бывшим врагом в третьих странах, что означало бы отказ от политики блокады. Главная забота ведомств иностранных дел и финансов Франции в этот период — сохранить французское преобладание в компании и после ее реорганизации с германским участием. Но детального единого правительственного плана, по-видимому, не было. МИД Франции признавал невозможным избежать частичного перехода концессии в германские руки, и франко-германское урегулирование позволило бы избежать германского контроля над обществом. Чтобы провести комбинацию такого рода, было необходимо новое увеличение капитала после уступки части акций русской группы. МИД предположил, что будут выпущены и распределены между французской и германской группами «многоголосые акции». Новые акции, переданные французской группе, остались бы заблокированными во Франции. Вообще, МИД полагал, что заключенные французской и германской группами соглашения следовало приветствовать. Однако на соответствующем абзаце стоит резолюция министра финансов: «Нет».³⁸ Возможно, перед нами реакция французской бюрократии на план Стиннеса. Для России, вступившей на путь социального эксперимента, не было недостатка в планах не только изнутри, но и извне.³⁹

Идея международного консорциума для экономического проникновения в Россию принадлежала Г. Стиннесу, В. Ратенау и Ф. Дейчу, генеральному директору электротехнической фирмы АЭГ. Смысл плана Стиннеса 1921 г.⁴⁰ сводился к включению России в систему международного разделения труда в качестве сырьевого придатка,⁴¹ ибо «русская индустрия, как продукт искусственной политики, уже уничтожена войной и революцией». Политика индустриализации до 1917 г. при содействии европейских стран была признана отступлением от здоровых начал разделения труда, поскольку Россия закрывалась для ввоза, а протекционизм ложился бременем на мужика, уменьшая производительность земельного труда. О необходимости восстановления экономики России как подспорья экономического восстановления Европы неоднократно говорил и Д. Ллойд-Джордж.⁴²

За год, с октября 1924 г. по октябрь 1925 г., советское правительство частично эксплуатировало предприятие КР с уровнем добычи около 20% довоенного производства. Переговоры о концессии продолжались и в начале 1926 г., правда, уже без В. Кона, ушедшего в отставку с поста администратора компании 23 декабря 1925 г.⁴³ Уже минул год, как было достигнуто соглашение Животовского о концессии с советским прави-

тельством и акционеры КР с ним согласились, но ратификации в СССР так и не произошло. Позднее само советское правительство предложило другой проект соглашения, но значительно менее либеральный, чем предыдущий. На этой основе правление компании продолжало переговоры с целью сблизить пункты проекта с прежним соглашением. Переговоры о судьбе КР повели также немцы и американцы,⁴⁴ причем германская комбинация казалась «рациональной» французским капиталистам.⁴⁵ Все же вопрос о концессии так и не был решен.⁴⁶

В самой Германии со второй половины 1924 г. до лета 1925 г. ощущался временный перерыв в притоке американских займов, Рейхсбанк и другие банки делали более строгими условия кредитов. На этом фоне в деловом мире серьезное беспокойство вызвала новость, что концерн Стиффеса, который после смерти основателя в апреле 1924 г. управлялся его наследниками, оказался перед крахом и ликвидацией консорциумом крупных банков. Это были признаки серьезного «стабилизационного кризиса» в Германии, наступившего осенью 1925 г. и продолжавшегося до весны 1926 г.,⁴⁷ важной составной частью которого стали финансовые затруднения Стиффеса.

Действительно, состояния, возникшие в период инфляции распались в эпоху стабилизации европейских экономик к середине 1920-х гг. Часть инфляционных капиталов, созданных в период мировой войны и революции в России, как уже говорилось, удалось вывезти за границу, и они не были национализированы большевиками. Владельцы пытались их консолидировать и заставить работать в новых условиях. Один Животовский ввез во Францию 26 млн франков. Проблема концессий — проблема прямых иностранных инвестиций в экономику послереволюционной России. Вопрос о русских частных инвестициях за границей (до середины 1920-х гг., времени юридического признания СССР) примыкает также к проблеме русских государственных активов за границей после войны.⁴⁸

Взамен первоклассных финансовых фирм и групп, имевших дело с дореволюционной Россией, посредниками и агентами возобновления экономических отношений стали люди с весьма размытыми деловыми принципами, прошедшие школу предпринимательства в период войны и экономической блокады, т. е. в пору инфляции и гиперинфляции. Эти предприниматели познали опыт большевистской национализации, обернувшейся конфискацией. «Братья Ротшильд» отказались от корреспондентских отношений с советскими банками. Их место заняли посредники с сомнительной репутацией, такие как французский банк «Bauer, Marchal et Cie», который с октября 1923 г. стал корреспондентом Госбанка СССР в Париже. Расчет директоров РТПБ был на возобновление старого дела, на получение концессий от советского правительства в Кривом Роге.⁴⁹ Курсы акций компании вздувались перед поездками Животовского в Москву.

Россия потеряла статус великой державы. Ее государственный кредит понес невосполнимые потери. Вопрос о международных финансово-экономических расчетах после Первой мировой войны не был урегулирован в отношении России и СССР в полной мере, что имело далеко идущие последствия, в том числе в упомянутых выше планах деиндустриализации, где речь шла лишь о восстановлении земледелия и добычи руды. «Измена» России Антанте вызывала во Франции советофобию и стимулировала в 1920-е гг. дружбу с США. Лидеры русской эмиграции в эпоху «германофилии Советов» думали о разжигании германофобии во Франции, указывая, что план Стиффеса поможет создать новую Германию, которая в союзе с Россией станет хозяином Европы.

Вопрос, казалось, состоял в том, какую помощь большевизму и на какое время создаст солидарность Германии с Англией. Заметим, что С. Н. Третьяков (бывший член Временного правительства, министр торговли и промышленности омского правительства А. В. Колчака, с 1921 г. заместитель председателя Российского торгово-промышленного и финансового союза) признал в 1929 г., что «эмиграция потеряла какое-либо значение в смысле борьбы с Советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств».⁵⁰ Однако фикции новой стадии национализма в Европе, создаваемые с разных сторон, не могли не сыграть деструктивной роли между мировыми войнами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инфляционные группы изучались И. Ф. Гиндиным, Л. Е. Шепелевым, Т. М. Китаниной, Б. В. Ананьичем, А. А. Фурсенко, Ю. А. Петровым (см. ссылки на литературу в статьях: *Фурсенко А. А.* Концерн К. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 265–287; *Конец «русского Вандербильта»* // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 333–337).

² *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX—начало XX в.). Избранное: Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 113, 184, 223.

³ См. сумму операций Животовского в 1917 г.: *Гиндин И. Ф.* Банки и экономическая политика в России. С. 381. Тогда Животовский боролся, в частности, за контроль над Соединенным банком, но неудачно, о чем писал Е. Л. Грановский, ссылаясь на неопубликованную книгу Х. Раппопорта (*Грановский Е. Л.* Монополистический капитализм в России. Л., 1929. С. 84); *Островский А. В.* О родственниках Л. Троцкого по материнской линии // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 4. С. 105–129.

⁴ РТПБ был обвинен в товарных сделках с Германией через Стокгольм, в связи с чем в конце января 1915 г. покончил с собой председатель правления В. П. Зуров (см.: Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Яхонтова (Записки заседаний и переписка) / Сост. Р. Ш. Ганелин, С. В. Куликов, М. Ф. Флоринский. СПб., 1999. С. 122).

⁵ *Семенов Е.* Русские банки за границей и большевики: (Из анкеты). Париж, 1926. С. 27;

см. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 211, 320, 376.

⁶ Псевдоним С. М. Когана, журналиста и публициста, выступавшего также под псевдонимом Т. Veritas. До революции он был корреспондентом русских газет в Париже, писал о культуре, революции, по вопросу женской эмансипации. Его французская книга 1906 г. о погромах вышла с предисловием А. Франса. Он был сотрудником «Вечернего времени» в Петрограде, летом 1917 г. заведовал редакцией «Демократического издательства», в феврале 1918 г. передал Э. Сиссену более 50 документов, разоблачавших вождей большевиков как германских агентов. В 1925–1926 гг. он вел борьбу в печати с франко-русскими банкирами, расточавшими русские государственные и частные активы в филиалах русских банков за границей.

⁷ Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005. С. 507.

⁸ Стокгольм занимал исключительное место в осуществлении Францией политики блокады Германии и ее союзников на последнем этапе Первой мировой войны, став важным центром торгово-спекулятивной активности старой буржуазии периода инфляции и новой просоветской и просто советской буржуазии и чиновников-«комиссаров» (что видно по французским архивам; см. также: *Кан А. С.* 1) Питерцы Стокгольма на переломе эпох // История Петербурга. 2005. № 4 (26) С. 16–19; 2) Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999).

⁹ См.: *Беляев С. Г.* 1) Русско-Азиатский банк в эмиграции. 1918–1928 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Б. В. Ананьича. СПб., 2003. С. 33–40; 2) Россия и Франция: Финансовое партнерство в 1910–1920-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 29–44. Прежде, с 1912 г., РТПБ находился в сфере влияния Русско-Азиатского банка, как отмечают В. Бovyкин и Ю. Петров со ссылкой на С. Л. Ронина в кн.: *Бovyкин В., Петров Ю.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1995. С. 151.

¹⁰ Note sur les achats de titres russes effectués par les Allemands et les Anglais dans le courant de 1918. Стокгольм, 17 февраля 1919 г. (Archives économiques et financières (AEF). В 31977. Р. 2–4).

¹¹ *Семенов Е.* Русские банки за границей... С. 60.

¹² Там же. С. 60–63.

¹³ Записка «Société anonyme des minerais de fer de Krivoi-Rog», 27 мая 1925 г. (AEF. В 32028).

¹⁴ *McKay J. P.* Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization 1885–1913. Chicago, 1970. P. 357.

¹⁵ В то время другие компании платили и больше: Днепровское металлургическое общество — 40%, Гута Банкова — 20, Общество Дубовой балки — 15 (Ibid. P. 222).

¹⁶ РТПБ — Председателю Совета министров, министру иностранных дел 21 ноября 1921 г. (AEF. В 32028).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Министр финансов Ш. де Ластейри — премьер-министру, министру иностранных дел Р. Пуанкаре 12 января 1923 г. (AEF. В 32028).

¹⁹ Справки французской армейской разведки о блокаде и экономической войне, № 50 [апрель–май 1920 г.] // Politisches Archiv des Auswertigen Amtes. Bonn (PA). Paris. 788a.

²⁰ Там же.

²¹ Находился по соседству с РТПБ, по адресу 7, rue Scribe.

²² Блокада вступила в новую фазу весной 1920 г. с появлением британского флота на Балтийском море, когда «впервые стало возможным препятствовать торговле Германии через Балтику». Межсоюзнический комитет по блокаде в Лондоне решил, что судоходство нейтральных стран в Германию должно производиться с разрешения Межсоюзнического комитета по торговле в Копенгагене, Стокгольме и в Христиании (PA. Paris. 788a).

²³ Копии писем: Ж. Биде и В. Кона — Л. Красину 5 февраля 1923; Скобелева — Ж. Биде и В. Кону 24 мая 1923 г.; их ответ 18 июня 1923 г. (AEF. В 32028).

²⁴ Цит. по: *Островский А. В.* О родственниках Л. Троцкого по материнской линии. С. 125.

²⁵ Agence économique et financière. 1923. 21.08.

²⁶ Ibid. 1923. 04.09.

²⁷ Ibid. 1923. 28.09.

²⁸ Ibid. 1923. 14.11; 12.12; 29.12.

²⁹ С 1921 г. Кон, по его словам, предпринимал меры, чтобы «ось этого дела оставалась во Франции», ссылаясь на обширную переписку с МИД о многочисленных в свое время собраниях с Лушером (Loucheur), министром опустошенных войной районов, и Думе (Doumer), министром финансов.

³⁰ Первоначально этот дом специализировался на турецких делах (*Hogehuis-Seliverstoff A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris, 1981. P. 220). Банк вел дела и с Советской Россией. Сам Кон, оставаясь директором отделения РТПБ в Париже, служил (вероятно, после 1923 г.) в советском банке (бывшем банке Высоцкого) на Avenue de l'Opéra (*Семенов Е.* Русские банки за границей... С. 62, 63). См. также: *Беляев С. Г.* Русско-Азиатский банк в эмиграции. С. 37, 40. «Лондонский банк Высоцких лопнул зимой (1925/26 г. — С. Л.), а парижский банк они продали большевикам!» (*Zenker A.* Geschäftiges Russland. Erinnerungen eines Bankiers — nach Briefen von 1926 / Hrg., komment. W. Sartor. St. Petersburg, 2004. S. 112–113).

³¹ Министр финансов Ш. де Ластейри — Р. Пуанкаре, премьер-министру, министру иностранных дел 9 февраля 1924 г. (AEF. В 32028).

³² Там же.

³³ Материалы французских архивов и сообщения в эмигрантской печати о родственных связях братьев Животовских с Л. Д. Троцким подтверждают и родственники Л. Д. Троцкого. А. В. Островский отмечает, однако, что вопрос о степени родства остается открытым (*Островский А. В.* О родственниках Л. Троцкого. С. 125).

³⁴ Agence économique et financière. 1924. 01.05.

³⁵ АЕФ. В 32028.

³⁶ Записка от 9 апреля 1924 г. (АЕФ. В 32028).

³⁷ Р. Пуанкаре — министру финансов 18 апреля 1924 г. (АЕФ. В 32028).

³⁸ Министр иностранных дел — министру финансов 14 мая 1925 г. (АЕФ. В 32028).

³⁹ Один из них изложил Поль Клодель, известный писатель, а тогда посланник Франции в Копенгагене, в письме Филиппу Бергто, директору Политического и торгового отдела МИД Франции 18 января 1920 г. России, без сантиментов по поводу старого союзничества, предлагался полуколониальный рецепт, опробованный в Китае: гуманитарный и санитарный контроль; создание не посольства, а «французского экономического бюро»; ремонт железных дорог. Советское правительство взамен должно было признать долги России и принять меры к освобождению заключенных; в течение многих лет торговля с Россией осуществлялась бы лишь в малом числе *открытых портов*, под международным управлением смешанных трибуналов, что было необходимо «там, где контактируют две совершенно различные цивилизации». Союзники получали бы отчисления и контроль над таможнями для постепенного возвращения долгов. В качестве открытых портов предлагались Петроград (особый квартал), Одесса, Таганрог, Новороссийск и т. д. (*Rémy P.-J. Trésors et secrets du Quai d'Orsay: Une histoire inédite de la diplomatie française.* [Paris], 2002. P. 721–724). Удивительно, но китайская реминисценция попала даже в «китайскую» опечатку написания Кривого Рога в делах МИД: Kri-voï-Rog (Р. Пуанкаре — Кону 4 марта 1924 г. (в копии 9 апреля 1924 г.) — АЕФ. В 32028). Клодель писал: «Русский крестьянин нуждается в четырех вещах: в земле для производства зерна, в складах для хранения своего зерна, в железных дорогах для его перевозки и в мире и безопасности» (*Rémy P.-J. Trésors et secrets du Quai d'Orsay.* P. 724).

⁴⁰ Маклаков—Бахмистеву 13 декабря 1921 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев—В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: В 3 т. Т. 2: Сентябрь 1921—май 1923 / Под ред. О. В. Будницкого. М., 2002. С. 115–117.

⁴¹ Прежде всего Германии, которая платила репарации победителям.

⁴² В декабре 1921 г. Стиннес обсуждал вопрос о консорциуме в Лондоне, но без видимого успеха (комментарий О. В. Будницкого) («Совершенно лично и доверительно!»). Т. 2. С. 594–595).

⁴³ Agence économique et financière. 1925. 24.12.

⁴⁴ Ibid. 1925. 17.12; 28.12.

⁴⁵ Information financière. 1926. 05.01. Прежде РТПБ мог отдавать должное желанию французского правительства сохранять французское преобладание в КР. Но, ослабнув к весне 1925 г., банк не мог продолжать прежнюю профранцузскую линию. Министру финансов РТПБ предлагал одобрить обращение к финансовому учреждению, способному взять в залог большинство акций КР, либо к французской металлургии, чтобы она приобрела контроль над Обществом КР.

⁴⁶ О влиянии внутривнутриполитической борьбы на судьбы концессий в связи с изменениями внешнеторгово-политического курса СССР см. труды В. А. Шишкина: 1) Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг.: Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969; 2) В. И. Ленин и внешнеэкономическая политика Советского государства (1917–1923). Л., 1977; 3) «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР (1924–1928). Л., 1983; 4) Цена признания: СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929). СПб., 1991.

⁴⁷ Die Deutsche Bank. München, 1995. S. 225. Гуго Стиннес умер 10 апреля 1924 г. в возрасте 54 лет. Старшие сыновья и вдова вели экспансионистскую политику отца до июня 1925 г., когда не смогли продолжать платежи. В 1925 г. уже были проданы крупные пакеты акций из ликвидационной массы Стиннеса, пока в конце 1926 г. Гуго Стиннес-младший смог получить заем у американцев и покрыть остаток долгов в марках и консолидировать концерн Стиннеса (*Seidenzahl F. 100 Jahre Deutsche Bank.* Frankfurt a./M., 1970. S. 274–281).

⁴⁸ См. о проблеме русских государственных активов во Франции: *Лебедев С. Л. Е. Hoskier & Cie — банкир русского правительства во Франции // Проблемы всемирной истории.* СПб., 2000. С. 250–251.

⁴⁹ В течение лета и осени 2005 г. решалась судьба комбината «Криворожсталь», денационализованного было прежним правительством Украины, а затем вновь выставленного украинским государством на торги. Среди интересовавшихся этим делом был Б. Березовский, один из героев новой русской приватизации, плутократ, обосновавшийся в Лондоне. 24 октября 2005 г. состоялся новый аукцион, победителем которого стала западноевропейская стальная группа «Миттелстил».

⁵⁰ Цит. по: Российские предприниматели в начале XX века: По материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже: Публикация документов / Сост. Ю. А. Петров, М. К. Шацилло. М., 2004. С. 270. Составители публикации поставили в конце последнего

пассажа знак вопроса, однако аспект влияния на политику держав в интересах будущей свободной России был важнейшим стимулом деятельности в эмиграции представителей всех русских небольшевистских правительств. Мы это знаем по активности финансового агента в Париже А. Г. Рафаловича (см.: *Лебедев С. К. Е. Hoskier & Cie* — банкир русского правительства во Франции. С. 242—255), по переписке дипломатов («Совершенно лично и доверительно!»). Близкие мотивы были и у деятелей царского режима, переписывавшихся в эмиграции о судьбе империи (см.: Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Яхонтова (Записки заседаний и переписка)).

В. А. Шишкин

К ИСТОРИИ ПЕРВОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЗАПАДА (АНГЛО-СОВЕТСКИЙ КОНФЛИКТ 1927 г.)

В 1926-м и первой половине 1927 г. наблюдался относительно либеральный курс советского правительства особенно по отношению к крестьянству (продолжение нэпа в новых условиях: разрешение арендовать землю зажиточным крестьянам и кулакам, чтобы стимулировать рост производства зерновых и других сельскохозяйственных культур; легальный наем дополнительной рабочей силы состоятельными середняками, иначе говоря, снятие препон для батрачества малоимущих и малоземельных крестьян; ликвидация запрета на покупку сельскохозяйственных машин, опять-таки способствовавшая прежде всего укреплению зажиточных хозяйств; получение значительно больших возможностей участвовать в выборах в местные, сельские и поселковые советы и т. п.).

Однако этот неонэп продолжался сравнительно недолго, точнее до хлебозаготовительной кампании зимы 1927/28 г., когда были введены самые жесткие карательные меры вплоть до применения к середнякам и кулакам статей уголовного кодекса для изъятия у них «хлебных излишков», что объяснялось необходимостью накормить рабочих в городах и красноармейцев.

На деле же страна столкнулась с острым экономическим кризисом: предметы первой необходимости, поставляемые промышленностью, были крайне скудны, цены на хлеб, сдаваемый или отбираемый у сельского населения, были искусственно занижены. В результате крестьянин не мог получить за свой хлеб и другие продовольственные товары не только денежного эквивалента в товарной массе, но зачастую у него просто очищали закрома, не давая ничего взамен.